

УДК 336

ВОЛКОВ Юрий Юрьевич – к.э.н., старший преподаватель кафедры экономики и регионального менеджмента Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей Южного федерального университета

344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160. infoiprk@srfedu.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ФИНАНСОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПЕРЕХОД ОТ ПЛАНИРУЕМОСТИ К СУБЪЕКТНОСТИ

Аннотация. В данной статье анализируется становление института финансов в российском обществе в условиях социальной трансформации. Автор статьи обосновывает положение о том, что сложности институционального становления в финансовой сфере, во-первых, связаны с издержками институционального «импорта», во-вторых, с неразвитостью рыночных регуляторов, с отсутствием культуры финансовой компетентности. Делается вывод о том, что институциональная система в финансовой сфере определяется созданием нормативно-правовой базы и организационных норм, но в нынешних условиях выявляется дефицит институциональных ресурсов доверия и развития, что способствует закреплению тенденции институционального самовоспроизводства в финансовой сфере.

Ключевые слова: финансовый капитал, административно-правовое регулирование, институт финансов, финансовые структуры, институциональная система

Характерной чертой начального периода накопления финансового капитала в постсоветском обществе являлось воспроизведение административно-правового регулирования для «точных» целей, что было незаметным на фоне якобы финансового спонтанности. «Пикантность» ситуации заключалась в том, что финансовый капитал существовал в тени легализуемой рыночной активности, и в этих условиях его приобретение носило случайный, а иногда и авантюрный характер.

Работа финансовых структур происходила с высокой степенью убыточности, и позитивные результаты оценивались как стечение случайных факторов. Финансовые структуры были практически вытеснены из сферы экономики, а это означает, что договорные отношения по поводу финансирования экономических проектов не сложились. Основным правовым средством регулирования финансовой сферы стали правила, трактуемые консенсусные позиции финансовой системы.

Предполагалось, что воздействие финансовых механизмов послужит закреплению рыночных тенденций в российском обществе, но в большей степени финансы стали инструментом обогащения отдельных личностей или финансовых групп.

Можно отметить, что административный ресурс как проявление несовершенства политического рынка [Постсоветский институционализм... 2006: 335] оценивался как приоритетный в контексте неразвитости финансовых практик. То, что в нынешних условиях финансовый капитал характеризуется достаточно короткой институциональной системой, является следствием административно-правового регулирования и отсутствия интереса к финансовому капиталу как инструменту стимулирования экономического роста. Причины низкой эффективности применения финансов можно описать как отсутствие институциональных альтернатив стратегии обогащения. Незаинтересованность в развитии производительной экономики отчетливо проявлялась в насильственном изъятии и переводе денег из производительной сферы в сферу преумножения финансового капитала, придании ему в основном сберегательной, инвестиционной и страховой функций.

К сожалению, часто не в полной мере используются возможности, представленные описанием «импорта» института финансов и транзакционных издержек, связанных со спецификацией и обменом правами собственности [Радаев, Шкаратан

1991: 53]. Написанная Радаевым и Шкаратаном на заре становления рыночной экономики в России статья не утратила актуальность по той причине, что российский финансовый капитал представляет собой попытку применения монополистического регулирования при помощи административно-правового ресурса.

Процессы институционализации в финансовой сфере показывают, что импорт рыночных институтов может терять значение, если используется для формального утверждения структур, имеющих нерыночное содержание. Дело в том, что на уровне институционального заимствования наблюдается процесс ассимиляции, который может иметь умеренно приемлемые результаты, а может практически привести к метаморфозе, радикальной мутации заимствованной модели.

На уровне субъектности финансового капитала такая ситуация болезненно бьет по попыткам возродить или сконструировать традиции собственной коллективной субъектности. Российские финансисты неохотно соглашаются с утверждением, что они являются учениками западных «старших братьев», а отношение к этим институтам определяется тем, что желает видеть в деятельности банковско-финансовых структур российское государство. Так как 90-е гг. XX в. прошли под знаком передела собственности и реализации формулы: «обогащайтесь», этот призыв конвертировался в создание финансовых структур, занимающихся выкачиванием и наращиванием финансовых ресурсов.

Практически вне сферы финансового капитала оказались целые сегменты российской экономики. Процветавшие в этот период бартерные отношения могли быть следствием обналичивания денег и уводом финансовых структур в тень. Возникающий дефицит денежной массы благоприятствовал использованию административно-правовых нерыночных механизмов. Если финансовые структуры действовали чисто рыночно, то испытывали давление и сопротивление целого слоя предпринимателей, ориентированных на финансы как источник нелегитимного обогащения.

В ситуации, когда финансовые структуры направляли усилия на выполнение субрегатальной или эмерджентной функции (функции финансового роста), основным критерием благополучия считался рост прибыльности. Институциональные параметры выносились за рамки обсуждения и становились признанием постфактум успеха или могущества финансовой структуры. Таким образом, можно говорить о переворачивании процесса: на первое место выходили масштабы и результаты финансовой деятельности, которые «подгонялись» под удобные нормы. Само обращение к административному ресурсу основывалось на том, что финансовая структура способна не только достучаться до власти, но и вступить с ней во взаимовыгодное сотрудничество.

Важным условием институционализации сферы деятельности является формирование и наличие групп интересов [Норт и др. 2011: 231]. И здесь можно прийти к выводу, что группы интересов, проявляющие активность, эндогенны, и если предположить, что финансисты с самого начала стремились получить «слишком много», то это вызывало противодействие со стороны других элит и выливалось в открытое противостояние, которое закончилось «капитуляцией» финансовой олигархии после 1999 г. Это было связано с тем, что финансовые структуры не имели возможности посредством рыночных механизмов влиять на использование инструментов обогащения, что приводило к их фокусированию на административно-правовом регулировании.

Основной вывод из сложившейся ситуации был ясен. Финансовый капитал подпадал под влияние экономических преобразований симптоматично. Динамика изменений институционального статуса происходила путем усиления закрытости системы финансирования, т.е. поиск административно-правового регулирования не облегчал доступ к финансовым ресурсам. Отсюда следует, что развитие институционального устройства финансового капитала не зависело прямо от отношения к частной собственности. Сфера финансовых услуг являлась еще одним свидетельством того, что в России создавался именно российский рыночный механизм.

Формула, что Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны [Собственность... 2005: 44], не влекла за собой буквальное создание

аналогов западной финансовой системы. К тому же испытывавшие последствия кризиса 90-х гг. финансисты не проявляли приверженность идее быстрой капитализации. Неверно утверждать, что главной целью банкиров являлись попытки вернуть былое влияние [Дятликович 2013: 28].

Это положение совершенно не учитывает, что само понятие влияния после неудачного коллективного опыта завоевания власти основывалось на иных критериях. Таковыми выступали рост капитализации банковской системы и исчезновение контактов с серым, получерным и черным миром. Этому оптимистическому устремлению мешало то, что вновь создаваемые институты делали упор на восстановление порядка и стабильности, в то время как финансовая система нуждалась в стимулировании собственной динамики, включении рыночных механизмов.

Институционально финансовый капитал, прежде всего, оформлялся организационно, т.е. на протяжении десятилетия возникла масса ассоциаций, в т.ч. была попытка перенести представительство на региональный уровень (Российская ассоциация региональных банков). При этом наблюдалась специализация банковской системы, что требовало наряду с соблюдением социальных принципов и правил учета того, что не могло считаться повторением советского отраслевого опыта, но основывалось на том, что называлось дифференцированностью доступа к дешевым кредитам.

В конечном счете, в нынешних условиях институционализация привела к созданию определенных мер, ограничивающих своеволие банков, не позволяющих им давать дорогие кредиты. Но это же обстоятельство стимулировало рост различных квазифинансных структур, которые не подпадают под воздействие ограничительных мер и взимают грабительские проценты. Иными словами, не была создана прозрачная конкурентная среда, исключающая нечестные приемы и способы повышения прибыльности финансовой деятельности. Субъектность финансового капитала, таким образом, закладывалась через организационные структуры, которые соответствовали возникшей корпоративизации представителей банковского капитала.

Несмотря на неоднозначность выхода на капитализацию, господствующие финансовые структуры в российском обществе напоминали коалицию, которая пользовалась привилегированным доступом к ценным ресурсам и формам деятельности [Норт и др. 2011: 178].

Для того чтобы понять логику институционализации и соответствующим образом ее переориентировать, необходимо рассмотреть, какие нормы и каким образом регулируют функционирование финансового капитала. К наиболее очевидным способам относится опека государства, выражающаяся в форме административно-правового регулирования, касающегося таких показателей финансовой деятельности, как размер процентной ставки, уровень и формы страхования, порядок исполнения сберегательной функции.

Помимо вышеуказанного, вторым немаловажным способом стали внутриинституциональные правила и нормы. Можно говорить о возникновении делового кодекса финансовой деятельности. К этим нормам относятся правила внутреннего урегулирования конфликтов и споров, использование практик обращения в арбитражный суд, разделение легальной и иллегальной деятельности, установление пределов работы с сомнительными финансовыми средствами.

Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что процесс институционализации финансового капитала проходит во многом быстрее и более гладко, чем в остальных сферах деятельности, но протекает как процесс монополизации и структурирования господствующей финансовой коалиции. Речь идет о том, что в наиболее выгодных условиях оказываются крупные банки: не принимая во внимание факт близости к государственным структурам, важно отметить, что трансакционные издержки в силу выполнения нормативных обязательств у крупных банков в целом ниже, чем у средних и мелких при различии потенциала ликвидности.

В контексте логики институционализации финансового капитала можно говорить о том, что существует эффект постоянных организаций – организаций, существование которых не зависит от жизни их членов. И стремление быть субъектами права приводит к тому, что субъектность идет через освоение организационных и

административно-правовых норм и не обеспечивает открытый доступ к ресурсам социальной капитализации, не приводит к повышению в обществе институционального доверия к финансовой системе.

Другая важная проблема касается того, что институционализация имеет риск включения механизмов воспроизводства, существования, автономного от сфер приложения финансового капитала. Попытка расширить прямой контроль над сферами деятельности вступает в противоречие с подобными установками государственной структуры.

Необходимость следующего институционального шага проявляется в том, что т.к. государство владеет командными высотами в финансовой деятельности, оно в большей степени применяет ограничивающие, а не стимулирующие институциональные средства. Государство заинтересовано в крупных игроках в финансовом субполе и относится с подозрением к микромасштабным финансовым структурам, подозревая их (не без обоснования) в тяге к теневой неинституционализированной деятельности. При этом усиливается тенденция монополизации внутри финансового капитала, где быть сильным — означает преодолеть заградительные правила на основании гарантий финансовой помощи со стороны государства.

В институциональной иерархии российского общества институт финансов идеально подходит для того, чтобы быть институтом развития, деловой культуры, институтом, благодаря освоению ресурсов которого можно выработать передовые деловые практики. Сложившаяся институциональная система внешне отвечает этим ожиданиям, но если говорить о внутриинституциональных отношениях, то следует отметить, что институциональные нормы не оптимизированы. Нельзя сказать, что в российской финансовой среде ведется борьба не на жизнь, а на смерть [Игошин 2003: 39]. Вместе с тем очевиден низкий уровень конкуренции, борьбы по честным правилам за расширение клиентуры, за предоставление более льготных, основанных на рыночных механизмах займов и кредитов.

На наш взгляд, этому препятствуют три обстоятельства. Во-первых, складывающаяся институциональная система ориентирована на получение прибыли с кратко- или среднесрочной отдачей и не в состоянии работать на долгосрочную перспективу. Во-вторых, это связано с тем, что существующие правила игры в большей степени являются правилами адаптации, а не развития, т.е. направлены на то, чтобы институциональные отношения способствовали стабильному воспроизводству системы. Поэтому ее экспансия, расширение воспринимаются с осторожностью, т.к. могут привести к внутриинституциональным потрясениям. На долгосрочную перспективу могут быть настроены финансовые структуры с солидным запасом прочности, гарантиями финансовой помощи государства и устоявшимся кругом финансовой клиентуры. В-третьих, сложившаяся институциональная система работает в том же ключе, что и сложившаяся иерархия институтов. В ней важным является обладание властью, возможность диктовать «правила игры», и не развито то, что мы можем называть внутриинституциональной кооперацией. Объяснить это обстоятельство дефицитом институциональных (финансовых) ресурсов можно только отчасти. Действительно, российские финансовые структуры на 60% состоят из банков средней руки [Пресс-релиз... 2013: 5].

Как ни парадоксально, крупные финансовые структуры, отягощенные строгой регламентацией, не в состоянии предоставить и обеспечить гибкость и преемственность финансовых услуг. Эту роль берут на себя теневые и полутеневые структуры, для которых важным является получение быстрой прибыли, а не забота о деловой репутации. Можно считать, что в процессе институционализации развитие институциональных практик является частичным. То есть, охватив крупные финансовые структуры, этот процесс в неравномерной степени коснулся средних и малых. Основная налоговая нагрузка, так же как и выполнение деловых обязательств, падает на крупные банки.

В свою очередь, нельзя говорить и о повышенном интересе крупных финансовых структур к жесткому выполнению институциональных норм. Как пишет И. Дискин, важным фактором является крайне низкий уровень институционального доверия.

Не доверяют именно формальным институтам, которые вроде бы должны были обеспечить, конституировать нормальную, упорядоченную повседневную жизнь [Дискин 2011: 38].

Действительно, часто обладатели финансового капитала на институциональном уровне действуют в режиме разобщенности, а финансы в силу социального неравенства в российском обществе не связаны с регуляцией общественной жизни. Широко распространившееся в период после 2000 г. обращение к кредитам не стало нормой жизни, а воспринимается скорее как свидетельство нужды и экстремальной ситуации. Сложившаяся система закрепляет институционализацию вне рыночной саморегуляции.

Значимость института финансов свидетельствует о том, что вырос уровень его влияния на деловую и социальную жизнь. Внутри способов регулирования институциональных норм и ценностей значимость устоявшихся канонов не выходит за пределы этих институтов. Такая ситуация, во-первых, приводит к тому, что финансовый капитал оказывается слабым перед кризисом, связанным с внешними обстоятельствами; во-вторых, к тому, что и в обществе уровень институционального доверия формируется на основе узкоклиентального опыта и не связан с доверием как социальным капиталом.

Список литературы

- Дискин И.Е. 2011. *Россия, которая возможна*. М.: ИГ «Юрист». 176 с.
- Дятликович В. 2013. Тысячбанкирщина. — *Русский репортер*. № 39. Октябрь.
- Игошин И.Н. 2003. *Институциональные искажения в российском обществе*. М.: Директмедиа Паблишинг. 152 с.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки*. М.: Издательство Института Гайдара. 480 с.
- Постсоветский институционализм — 2006: власть и бизнес*: монография (под ред. Р.М. Нуреева). 2006. Ростов н/Д: Наука-Пресс. 512 с.
- Пресс-релиз Ассоциации российских банков*. 2013. № 3.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. 1991. *Власть и собственность. — Социологические исследования*. № 1.
- Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность*. Аналитический доклад. 2005. М.: Институт комплексных социальных исследований. 112 с.

VOLKOV Yury Yurievich, Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer of the Chair of Economics and Regional Management, Institute of Retraining of Southern Federal University (Pushkinskaya str., 160, Rostov-on-Don, Russia, 344006; infoipppk@sfnedu.ru)

FORMATION OF THE INSTITUTE OF FINANCE IN RUSSIAN SOCIETY: TRANSITION FROM PLANNING TO SUBJECTIVITY

Abstract. The paper analyzes the formation of the institution of finance in the Russian society in the context of social transition. The author substantiates the position that the complexity of institutional setup in the financial sector is related to the cost of institutional import, and to underdevelopment of market regulators, with the lack of financial culture and competence. The article is concluded by the idea that the institutional framework in the financial sector is defined by regulatory and legal framework and organizational norms, but in the current conditions a deficit of institutional resources of trust and development is revealed, which helps to perpetuate the trend of institutional self-reproduction in the financial sector.

Keywords: financial capital, administrative and legal regulation, institute of finance, financial institutions, institutional system

References

- Diskin I.E. *Rossija, kotoraja vozmozhna [Possible Russia]*. M.: Jurist Publ. 2011. 176 p.
- Dyatlikovich V. Tysyachbankirschina [Thousandbankership]. — *Russkiy reporter*. 2013. No 39. October.
- Igoshin I. *Institucionalnye iskazhenija v rossijskom obshhestve [Institutional Distortions in Russian Society]*. M.: Directmedia Publishing. 2003. 152 p.
- North D., Wallis J., Weingast B. *Nasilie i socialnye porjadki [Violence and Social Orders]*. M.: Gaidar's Institute Publ. 2011. 480 p.

Postsovetiskij institucionalizm – 2006: Vlast' i biznes: monografija (pod red. R.M. Nureeva) [Post-Soviet Institutionalism – 2006: Government and Business (ed. R.M. Nureev)]. Rostov-on-Don: Nauka-Press Publ. 2006. 512 p.

Press release of Russian Banks Association. 2013. No 3.

Radaev V.V., Shkaratan O.I. Power and Property. – *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 1991. No 1.

Sobstvennost' v zhizni rossijan: domysly i real'nost'. Analiticheskij doklad [Ownership in Russian Life: Fantasies and Reality. Analytical report]. M.: Institute for Complex Social Studies Publ. 2005. 112 p.

ДУБРОВИНА Ольга Юрьевна – к.полит.н., доцент Сибирского института международных отношений и регионоведения, координатор Национального союза политологов.

630078, Россия, г. Новосибирск, ул. Ватутина, 17/1. olgadubrovina@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕГИОНАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. Данная статья посвящена формированию и функционированию политического механизма регионального измерения внешней политики государств, его организационной и функциональной составляющим.

Ключевые слова: внешняя политика, региональное измерение внешней политики, международные связи регионов государств, регионализация, глобализация, глокализация

Политический механизм регулирования внешней политики государств на региональном уровне – это многоуровневая система, включающая в себя регулятивную, организационную и функциональную составляющие на международном, государственном и региональном уровне.

Рассмотрим организационную составляющую политического механизма регулирования внешней политики государств с учетом мнения, влияния и активности регионов стран, т.е. ее региональное измерение.

Организационная составляющая политического механизма регулирования внешней политики государств на региональном уровне – это система политических институтов, органов и структур, руководящих международным сотрудничеством регионов, координирующих и осуществляющих его. Система включает в себя международные организации, государственные политические институты, органы и структуры федерального и регионального уровня, осуществляющие международные отношения и связи.

В Российской Федерации организационную составляющую политического механизма регулирования внешней политики государств на региональном уровне можно представить как многоуровневую систему, включающую в себя международные структуры, занимающиеся международным сотрудничеством регионов государств, в которые входит Россия, и государственные органы, которые осуществляют внешнюю политику, координируют и контролируют процесс международного сотрудничества регионов России. Государственные органы делятся на органы федерального и регионального значения. Рассмотрим подробнее каждый из этих уровней.

Среди международных структур, занимающихся международным сотрудничеством регионов государств, в которые входит Россия и которые влияют на внешнюю политику страны, особое место занимает Конгресс местных и региональных властей Совета Европы (КМРВ СЕ), созданный в 1994 г. Россия вошла в Совет Европы в 1996 г. В 2000 г. было утверждено Положение о делегации Российской Федерации в Конгрессе местных и региональных властей Совета Европы. Россия также входит в Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), который был создан в 1993 г. с целью укрепления стабильности, безопасности и сотрудничества